УДК 323.272

ВНЕШНЕЕ ВЛИЯНИЕ И РЕВОЛЮЦИИ

Соловей Валерий Дмитриевич,
д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой связей с общественностью, МГИМО МИД России, Москва, Россия
valery.solovei@gmail.com

Аннотация. *Вопрос о внешнем влиянии на революции — один из наиболее интригующих аспектов интерпретации и концептуализации революционного процесса. От ответа на него зависит оценка самостоятельности революций и само их право называться революциями. В конце XX в. произошло серьезное изменение баланса между двумя формами внешнего влияния на революции: от преимущественно интенсивного военно-политического вмешательства он сместился к более рафинированному воздействию через идеологию и культуру. Тем не менее далеко не все революции, включая современные, отмечены внешним вмешательством. В целом внешнее влияние в революциях и на революции — проблема, которая должна рассматриваться исключительно контекстуально. Из международного контекста — благоприятного, негативного или нейтрального — не вытекает с неизбежностью внешнее вмешательство в революцию. Но даже очевидный интервенционизм оставляет открытым для интерпретаций и дискуссий принципиальный вопрос о соотношении внутренних предпосылок революции и внешнего элемента.*
Ключевые слова: *революции; «цветные» революции; революционный процесс; внешнее влияние; внешнее вмешательство; hard power; soft/smart power; НКО; общественные движения; медиа; постсоветское пространство; «арабская весна».*

FOREIGN INFLUENCE AND REVOLUTIONS

Solovey V.D.,
Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Chair of Public Relations
at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
Moscow, Russia
valery.solovei@gmail.com

Abstract. *One of the most intriguing aspects of understanding of revolutionary process is a role of foreign influence on the revolutions is. It determines an answer on the question whether a revolution is an independent or not and whether it can be called a revolution or not. At the end of the XX century a balance of the two forms of external influence has seriously shifted from a predominantly military and political interference to a more refined influence through ideology and culture. However not all of the revolutions including modern ones are marked by a foreign intervention. The problem of foreign influence on the revolutions should be treated only in a context. An international context doesn't necessarily imply a foreign interference. But even a definite intervention leaves a principal question about a balance of the internal preconditions of the revolutions and external element, open for interpretations and discussions.*
Keywords: *revolutions; color revolutions; revolutionary process; foreign influence; foreign intervention; hard power; soft/smart power; NGOs; social movements; media; post-Soviet space; "Arab Spring".*

Вопрос о внешнем влиянии на революции представляется одним из наиболее интригующих аспектов интерпретации и концептуализации революционного процесса. Если революционные события были инспирированы и направлялись извне, тогда они оказываются не автохтонной и имеющей фундаментальные причины революцией, а государственным переворотом, осуществленным в интересах внешних сил и при их активном участии. Именно таким образом российские официальные лица и значительная часть современной отечественной историографии трактуют революционные события, происходившие в мире последние 20 лет.

Российские руководители публично обвиняют США (шире — Запад) в том, что именно они выступают застрельщиком и бенефициаром революционного процесса в современном мире. В 2005 г., по горячим следам «оранжевой» украинской революции, президент Владимир Путин заявил: «Демократию нельзя экспортировать из одной страны в другую. Так же как нельзя экспортировать революцию, так же как нельзя экспортировать идеологию» [1]. Поскольку это было сказано в интервью американскому телеканалу *Fox News*, то понятно, кому предназначался намек.

Почти десять лет спустя, в 2014 г., президент России повторил свое предостережение и особо подчеркнул опасные результаты экспорта революции, подразумевая соседнюю Украину: «Мы видим, к каким трагическим последствиям привела волна так называемых цветных революций, какие потрясения испытали и испытывают народы стран, которые прошли через безответственные эксперименты подспудного, и а иногда и грубого, как говорят, ломового вмешательства в их жизнь. Для нас это урок и предостережение, и мы сделаем все для того, чтобы это никогда не случилось в России» [2].

Наконец, в 2017 г. Владимир Путин заявил о готовности Российской Федерации противостоять «цветным» революциям не только в России, но и в соседних странах — участниках ОДКБ: «Мы знаем различные теории, которые осуществляются в разных регионах мира, приводят к серьезной дестабилизации в этих регионах. Разумеется, ничего такого допустить не должны, и будем всячески стараться соответствующим образом вести себя в России и всячески поддерживать наших партнеров по ОДКБ» [3]. Тем самым современная российская власть фактически провозгласила себя гарантом сохранения политического статус-кво в пространстве бывшего СССР.

Соратники президента Путина выражались еще более откровенно. На исходе 2012 г. Николай Патрушев, экс-глава ФСБ и секретарь Совета Безопасности, играющего роль Политбюро в современной российской системе власти, прямо заявил: «„Цветные" революции экспортируются из-за рубежа, сценарии таких переворотов тщательно отточены западными технологами. И мы видели их „успешную работу" в некоторых государствах постсоветского пространства, Ближнего Востока и Северной Африки. Финансируются эти действия также извне, получатели этих средств должны отчитываться перед своими иностранными заказчиками и выполнять их волю и советы, которые больше похожи на инструкции. Осенью прошлого года Россия являлась очередным «полигоном» для использования информационных, организационных и других внешних рычагов вмешательства во внутренние дела» [4].

Под «вмешательством во внутренние дела» подразумевались массовые протесты рубежа 2011–2012 гг. против фальсификации результатов парламентских выборов. Логика развития ситуации, по мнению российской власти, выглядела следующим образом. Президент Путин поднял Россию с колен и вернул ее в число мировых лидеров. Западу это категорически не нравилось, и он всячески (как это уже не раз бывало на протяжении столетий) пытается воспрепятствовать возвышению Россию. Для этого США и другие западные страны с помощью системы грантов создали и поддерживали сеть оппозиционных правозащитных, культурных и образовательных институций, а также медийных ресурсов. Эта сеть составила организационную и материальную инфраструктуру массовых протестов.

Спустя почти три года Николай Патрушев не только повторил свои обвинения, но и усилил их. В марте 2015 г. он обвинил США в заговоре с целью смещения Владимира Путина. По мнению секретаря Совбеза, именно американцы финансируют российскую оппозицию и поощряют массовые антивоенные и политические демонстрации в стране. Экономические санкции против России используются США для причинения вреда российской экономике и «разогрева»

массового недовольства. Патрушев сравнил эту ситуацию с «цветными революциями» в странах бывшего СССР и арабского мира [5].

Таким образом, в политико-идеологическом фокусе Кремля, «бульдозерная» революция в Сербии, «цветные» революции постсоветского пространства, «арабская весна», протесты в России конца 2011–2012 гг., киевский «Евромайдан» ноября 2013 — февраля 2014 г. одинаково выглядят массовыми волнениями, спровоцированными США (в некоторых конкретно-исторических случаях при участии Евросоюза и Израиля) и приведшими (или намеревающимися привести) к смене режимов в этих странах.

Подобный подход, который может быть назван конспирологическим, исторически не нов. Идея внешнего вмешательства — той или иной страны (комбинации стран) или неких наднациональных субъектов — как первопричины и ключевого фактора революционной динамики восходит, по крайней мере, к началу XIX в. В различные исторические эпохи роль инспиратора революции отводилась разным силам: тайным организациям антихристианского мистического толка (розенкрейцеры и масоны), международной революционной сети (карбонарии, I, II и III Интернационалы), немецкому Генеральному штабу и американским банкирам еврейского происхождения, Советскому Союзу и его сателлитам (в первую очередь Кубе), наконец, в наше время — Соединенным Штатам Америки.

Любопытная историческая перверсия. С конца 1940-х гг. до середины 1980-х гг. главным движителем и бенефициаром революционных перемен считался СССР, в то время как США выглядели (и на деле были) оплотом контрреволюции. После крушения Советского Союза ситуация изменилась с точностью до наоборот. С конца 1990-х гг. США выступают в роли инспиратора революций, в то время как Россия придерживается последовательно консервативной и контрреволюционной позиции.

Несмотря на смену предполагаемых субъектов революционных заговоров, сама структура конспирологического дискурса о революции воспроизводится в неизменном виде.

Пленительное обаяние революционной конспирологии вызвано не только ее соблазнительной простотой, но, по крайней мере, двумя фундаментальными факторами.

Во-первых, подобная конспирология использует когнитивную ловушку, связанную с «зоной Уэйта». В 1961 г. Теодор Уэйт, американский журналист и историк, выпустил книгу «The Making of the President 1960» которая принесла ему Пулитцеровскую премию и перевернула представление о восприятии политики. Главное теоретическое открытие Уэйта (названное в его честь): аудиторию интересует не то, что политики говорят, а о чем они умалчивают. Применительно к нашему случаю это означает, что наблюдатели полагают, что за внешней стороной политики скрываются ее тайные движущие мотивы.

Революции происходят неожиданно и внезапно для всех, включая даже самих революционеров, что приводит наблюдателей в сильное замешательство: казалось бы, ничего подобно ситуация не предвещала, и вдруг — на тебе! Поэтому в поисках объяснения люди неизбежно обращаются к конспирологии. Они полагают, что раз видимых признаков революционного кризиса не было, то массовые потрясения готовились втайне некими подрывными силами.

Во-вторых, во многих (хотя не во всех) революциях действительно обнаруживаются следы стороннего вмешательства. Таким образом, конспирология получает серьезное фактическое подтверждение, усиливая влиятельность подобного подхода к революциям.

Здесь мы сталкиваемся с серьезной методологической проблемой. Современное революционоведение безусловно признает важную роль международной ситуации в провоцировании революций и их развитии. Однако влияние не равносильно вмешательству; вмешательство — лишь одна из возможностей влияния.

Советский Союз самым беззастенчивым образом провоцировал так называемые социалистические революции в Восточной и Центральной Европе после окончания Второй мировой войны. В данном случае между влиянием и вмешательством можно смело поставить знак равенства. Однако волна антиколониальных революций, прокатившаяся по миру в 1950-х — 1970-х гг., в значительной мере (особенно в 1950-е гг.) проходила без какого-нибудь советского вмешательства.

Знаменитая кубинская революция 1950-х гг. носила исключительно автохтонный характер. Формирование советско-кубинского альянса, превращение Кубы в силу, занимавшуюся рево-

люционной экспансией, не вытекало непосредственно из характера кубинской революции, а было реакций на политику США в отношении кубинской революции.

Схематически внешнее влияние на революции можно представить в трех видах: 1) влияние международного контекста per se; 2) непосредственное политическое, силовое и дипломатическое вмешательство; 3) идеологическое, культурное и организационное влияние, которое может реализовываться как в форме сознательного и/или бессознательного подражания и копирования, так и посредством целенаправленной трансляции определенных социокультурных паттернов, идей и организационных моделей. Используя англоязычную терминологию, второй вариант можно назвать hard power, а третий — soft power (включая такую ее разновидность, как smart power).

Международный контекст — это рамка, в которой начинаются и протекают революции. В одних случаях он оказывается благоприятным для революционного процесса, а в других — нет. Вот как Джек Голдстоун резюмирует благоприятный контекст в XX в.: «Вовлечение США в Первую мировую войну создало условия для распространения мексиканского революционного движения; истощение европейских государств и поражение Японии привело к многочисленным антиколониальным революциям после Второй мировой войны; озабоченность США глобальной ситуацией с правами человека в правление президента Картера создала впечатление, что Америка уже не так решительно поддерживает иранского шаха и режим Сомосы в Никарагуа; а снижение напряженности в отношениях между США и Советским Союзом при Горбачеве предоставило диссидентам, пролетариату и горожанам возможность испытать коммунистическую власть на прочность» [6, с. 65–66]. В этот ряд можно смело поставить и большевистскую революцию 1917 г.

Однако для европейских либеральных революций 1848 г., для венгерского восстания 1956 г. и «Пражской весны» 1968 г. международный контекст оказался весьма неблагоприятным. Во всех этих случаях массовые протестные движения были задушены с помощью hard power — открытого военно-политического вмешательства в революционные процессы. Но внешняя интервенция не обязательно носит контрреволюционный характер. Она может оказаться и прореволюционной. «Марксистские революции» в Восточной и Центральной Европе второй половины 40-х гг. XX в. (а позже в других частях земного шара) вряд ли могли осуществиться без советских комиссаров и советников, советских танков и поставок оружия.

Существует общепринятое мнение, что к исходу XX в. hard power как фактор влияния на революции исчерпала себя, что ей на смену пришла soft power. В действительности же, если понимать под soft power влияние через культуру и идеологию, то она зачастую шла руку об руку с силовым элементом стимулирования революций. Идеи Великой Французской буржуазной и Октябрьской социалистической революций несли на своих штыках революционные армии. Но успех этих армий, как и успех революций, был во многом обеспечен привлекательностью самих революционных идей. Революционный процесс 1848 г. приобрел общеевропейский размах благодаря миграции либеральных идей, но в конечном счете революции проиграли именно из-за дефицита штыков.

В конце XX в. произошло серьезное изменение баланса между двумя формами внешнего влияния на революции: от преимущественно интенсивного военно-политического вмешательства он сместился к более рафинированному воздействию через идеологию и культуру.

Вместе с тем силовой элемент и в наше время сохраняется в политической повестке и используется в случае необходимости. Как, например, в случае поддержки Западом и Лигой арабских стран оппозиционных сил, противостоявших режиму Каддафи в Ливии (2011 г.), и антиасадовских сил в Сирии. Внешняя поддержка сыграла решающую роль в свержении Каддафи и в превращении этнополитического конфликта в Сирии в длительную и ожесточенную гражданскую войну. Без внешней помощи оппозиционные движения в этих странах были бы раздавлены.

Однако в революциях последних 25 лет в Европе и в революциях «арабской весны» soft power, безусловно, преобладала. Несмотря на отдельные эксцессы, эти революции в целом могут быть названы мирными.

Эффективность soft power как политической и социальной макротехнологии основана, прежде всего, на привлекательности примера. Запад притягивает к себе потребительским изобилием и гедонистическим (по крайней мере,

он выглядит так) образом жизни. Эта бытовая привлекательность сыграла очень важную роль в крушении советского коммунизма. Хотя социалистические страны, в первую очередь СССР, изо всех сил пытались держать собственных граждан в неведении относительно западного образа жизни и изображали его в подчеркнуто критических тонах, даже тридцать лет назад скрыть положение дел не удавалось. Тем более нет шансов на это в современном информационном обществе.

В массовом сознании формируется простой, но действенный стереотип: на Западе живут гораздо лучше потому, что его политическая и экономическая система эффективнее и правильнее; подразумевается, что если мы установим в своей стране западную систему, то заживем так же хорошо; в конечном счете делается политический вывод о необходимости свержения в стране режима, который мешает установлению прозападной системы.

Напомню, что вторая украинская революция начиналась именно как «Евромайдан» — протест против решения президента Виктора Януковича отсрочить (не отменить, а лишь отсрочить!) подписание соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Почти в лабораторном виде в тот момент проступила альтернатива — выбор между Западом и Востоком (Россией). Для политически активных слоев украинского общества западная альтернатива оказалась привлекательнее восточной, несмотря на отнюдь не надуманные тесные историко-культурные, экономические, этнические и родственные связи между Украиной и Россией.

Во всех европейских революциях последних 25 лет, а также в некоторых событиях «арабской весны» легко прослеживается мощное социокультурное влияние Запада как примера.

Примечательно, что стратегия США в 1990-е гг., во время двух администраций Уильяма Клинтона, так и называлась — «лидерство примера». Речь шла об обеспечении мягкой и преимущественно мирной (за исключением агрессии против Югославии 1999 г.) формы американского лидерства посредством пропаганды эффективности своей экономической и политической модели.

Однако даже в этом, максимально «вегетарианском» для американской внешней политики случае, использование soft power не ограничивалось лишь демонстрацией примера. Одновременно с пропагандой западных ценностей и западного образа жизни в странах бывшего социалистического лагеря и в других частях земного шага Западом инициировалась, формировалась и поддерживалась организационная инфраструктура для продвижения и внедрения этих ценностей и стандартов. Начала создаваться сеть НКО и общественных движений, поддерживаемых извне.

Преследуя номинально благородные и достойные цели формирования гражданского общества, защиты прав человека, борьбы с коррупцией, формирования открытой и конкурентной политики, НКО потенциально могли оказаться инструментом политических перемен в своих странах. Это и случилось после прихода к власти в США республиканской администрации Джорджа Буша-младшего.

В данном случае можно проследить, как изменение международного контекста привело к изменению характера внешнего влияния. Если демократическая администрация Клинтона следовала линии мягкого обеспечения американского лидерства, которое члены мирового сообщества признают добровольно, то республиканская администрация стремилась к статусу надсистемного игрока — гегемона.

Впервые в американской истории национальная безопасность была тесно увязана с высоким уровнем демократического развития вовне США (Стратегия национальной безопасности США, сентябрь 2002 г.). То есть условием обеспечения безопасности США становилась демократизация потенциально угрожающих ей стран, что предполагало вмешательство в их внутренние дела и, при необходимости, односторонние силовые действия. Характерно, что американское вторжение в Ирак, начавшееся в ноябре 2003 г., Джордж Буш-младший окрестил, — ни много, ни мало — «глобальной демократической революцией».

Демократическая революция в национальных интересах США должна была распространиться и на постсоветское пространство. Вот как ее охарактеризовал известный американский политолог Марк Бейсинджер: «С того времени (с ноября 2003 г. — В.С.) мы наблюдали активные усилия Соединенных Штатов по поддержке демократических революций в регионе бывшего СССР и повсеместно. Правительство США потратило 65 млн долл. на продвижение демократии на Украине в годы, непосредственно предшествовавшие „оранжевой" революции.

Бóльшая часть этих денег направлялась через НПО третьих стран украинским НПО и общественным движениям, многие из которых непосредственно участвовали в „оранжевой" революции. В октябре 2004 г. президент Буш подписал Акт о поддержке демократии в Беларуси с намерением свергнуть режим Лукашенко. В мае 2005 г. Буш посетил Тбилиси, где приветствовал „революцию роз" (в России она называется „революцией гвоздик" — В.С.) как пример, которому стоило следовать в странах Кавказа и Центральной Азии» [2, p. 261].

Тем самым США перешли от влияния через «стратегию примера» к влиянию через стратегию вмешательства — организацию и поощрение революционной активности. По постсоветском пространству прокатилась волна революций и попыток революционных выступлений, получивших название «цветных» революций. Причем в своих организационных формах, методах действий, лозунгах и символике эти революции повторяли друг друга. Подобное копирование было не только естественным следствием подражания успешному политическому опыту, но и результатом его сознательной и направляемой извне передачи.

Финансируемые Западом НКО и общественные движения выступали в роли финансистов революционной деятельности, обучали и формировали отряды активистов, обеспечивали PR и медийное освещение революционной активности. Взаимозависимость и повторяемость организационных и прочих форм «цветных» революций настолько разительна, что упоминавшийся Бейсинджер охарактеризовал это явление как «модульный политический феномен». По его утверждению: «Эти [„цветные" — В.С.] революции и многочисленные попытки их копировать были не столько независимыми эпизодами, сколько взаимосвязанным модульным феноменом, где оппозиционные группы заимствовали структуру, стратегии, репертуар и даже символику из предшествующих успешных попыток и обретали вдохновение в опыте других революций» [7].

Признание очевидного и заметного внешнего вмешательства в возникновение и развитие революций ставит перед нами казуистический, но важный вопрос о том, могли бы революции начаться без подобного вмешательства. Охарактеризованная выше позиция российского руководства и значительной части отечественной историографии однозначна: нет, не могли, а потому «цветные» революции и не революции вовсе, а инспирированные извне государственные перевороты.

Позиция автора статьи иная. Внешнее вмешательство подобно фитилю, поднесенному к хворосту. Если хворост высох (т.е. наличествуют предпосылки революции), то он вспыхнет. Но ведь для сухого хвороста достаточно и случайной искры. Если же он мокрый (т.е. общество и элиты стабильные), то никакие внешние усилия не подожгут его.

Важным аргументом в этой дискуссии выглядят революции, где невозможно обнаружить внешнее вмешательство. Таковой совершенно точно была киргизская революция в апреле 2010 г. и, с высокой вероятностью, события «арабской весны» 2010–2011 гг. Революции в Тунисе и Египте стали абсолютной и крайне неприятной неожиданностью для США, Запада в целом и Израиля. США не понимали, что происходит, и лишь с опозданием реагировали на происходящее. Причем их реакция, судя по развитию событий в Ливии и Сирии, вряд ли может быть названа стратегически удачной.

Примечательно также, что в ходе украинского «Евромайдана» (ноябрь 2013 г. — февраль 2014 г.) эмиссары ЕС уговаривали украинских оппозиционеров не добиваться смены верховной власти, а пойти на компромисс с Януковичем и затем одержать над ослабевшим президентом победу на выборах. В этом смысле свержение Януковича было скорее следствием внутриукраинской динамики, чем внешнего вмешательства.

Автор статьи сомневается, что американский след можно обнаружить и в протестных акциях в России конца 2011–2012 гг. Ведь со сменой администрации Буша-младшего на демократическую администрацию Обамы (2009 г.) США отказались от гегемонистской стратегии и концепции глобальной демократической революции в пользу более умеренных позиций. Изменение международного контекста резко снизило интервенционистский градус.

Как мы видим, внешнее влияние в революциях и на революции — проблема, которая должна рассматриваться исключительно контекстуально, применительно к конкретной исторической ситуации. Не существует ее универсального решения, одного раз и навсегда верного ответа, даже если речь идет об

одной и той же стране. Из международного контекста — благоприятного, негативного или нейтрального — не вытекает с неизбежностью внешнее вмешательство в революцию. Но даже очевидный интервенционизм оставляет открытым для интерпретаций и дискуссий принципиальный вопрос о соотношении внутренних предпосылок революции и внешнего элемента.

ЛИТЕРАТУРА

1. РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/politics/20050918/41430599.html (дата обращения: 07.02.2016).
2. РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/world/20141120/1034329699.html (дата обращения: 12.04.2017).
3. Российская газета [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2017/04/12/putin-rasskazal-o-posledstviiah-cvetnyh-revoliucij.html (дата обращения: 13.04.2017).
4. Комсомольская правда [Электронный ресурс]. URL: http://www.kp.ru/daily/26003/2929408/ (дата обращения: 13.04.2017).
5. Патрушев Н. «Оранжевая» революция в России не пройдет [Электронный ресурс]. URL: http://russian.rt.com/inotv/2015–03–05/Patrushev-Rossiya-spravitsya-s-ocherednoj (дата обращения: 13.04.2017).
6. Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5 (26). С. 58–103.
7. Beissinger M. R. (2007). Structure and Example in Modular Politcal Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions. Perspectives on Politics, 2007, no. 5 (2), pp. 259–276.

REFERENCES

1. RIA Novosti. Available at: http://ria.ru/politics/20050918/41430599.html (accessed: 7 February 2016) (in Russian).
2. RIA Novosti. Available at: https://ria.ru/world/20141120/1034329699.html (accessed: 12 April 2017) (in Russian).
3. Rossijskaja gazeta. Available at: https://rg.ru/2017/04/12/putin-rasskazal-o-posledstviiah-cvetnyh-revoliucij.html (accessed: 12 April 2017) (in Russian).
4. Komsomol'skaja pravda. Available at: http://www.kp.ru/daily/26003/2929408/ (accessed: 12 April 2017) (in Russian).
5. Patrushev N. "Orange" revolution in Russia will not pass [«Oranzhevaja» revoljucija v Rossii ne projdet]. Available at: http://russian.rt.com/inotv/2015–03–05/Patrushev-Rossiya-spravitsya-s-ocherednoj (accessed: 13 April 2017) (in Russian).
6. Goldstone J. Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory [K teorii revolyutsii chetvertogo pololeniya]. *Logos — Logos*, 2006, no. 5 (26), pp. 58–103 (in Russian).
7. Beissinger M. *R.* (2007). Structure and Example in Modular Politcal Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions. Perspectives on Politics, 2007, no. 5 (2), pp. 259–276.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Справочник создан авторским коллективом в 2013 г. при поддержке основного конкурса Российского гуманитарного научного фонда, № 13-03-00610, тип проекта «А». Дополнен авторами фактами и событиями последующих лет.

В справочнике даются характеристики политических партий и политических систем стран мира. Приведены краткие географические, исторические и экономические данные. Адресован преподавателям, партийным работникам и активистам, студентам и аспирантам, всем интересующимся проблематикой современного партийного строительства.